

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv

Has been issued since 1863.

ISSN: 2408-9621

E-ISSN: 2413-726X

Vol. 12, Is. 2, pp. 152-168, 2016

DOI: 10.13187/ra.2016.12.152

www.ejournal16.com

UDC 94(47)

Peculiarities of the Churches Closing in Don Region in the 1930s in the Documents of the State Archive of the Russian Federation

Alla V. Shadrina

Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don 344006

PhD (History)

E-mail: shadrina@ssc-ras.ru

Abstract

The closing of the churches and prayer houses in the 1930s, along with the repression of the clergy became the final stage of the atheistic state formation declared by the Soviet Government. The documents from the funds of the State Archive of the Russian Federation, published for the first time, represent the applications of the believers and the representatives of the Church executive bodies into the various instances of the USSR about the illegal closing of the churches in the Don region. These sources give an idea of the non-observance of legality by the local authorities in their policy towards the religious organizations. They also show which methods were used while closing the churches, and the reaction of the parishioners' action groups.

Keywords: the Don region; the closure of churches and prayer houses in 1920–1930s, the Antireligious Committee of CC RCPb (the Central Committee of the Russian communist party of the Bolsheviks), the Plenary Commission on cults of the VTsiK (All-Russian Central Executive Committee) of the USSR, the Plenary Commission on cults of the Presidium of the North-Caucasian Regional Executive Committee.

В современной историографии закрытие церквей и молитвенных домов в советской России в 1920–1930-е гг. понимается как метод осуществления репрессивной политики советского государства относительно религиозных организаций. Целью этой политики было, во-первых, уничтожение крупных религиозных деноминаций, в том числе Русской православной церкви как части царской России, враждебной идеям социализма [1], во-вторых, реализация идеи создания атеистического государства [2–8]. Ее конечным итогом должно было стать закрытие всех церквей и молитвенных домов, что знаменовало бы не только победу над религиозными организациями, но и над религией в целом [9].

На протяжении 1920–1930-х гг. вопросы закрытия церквей и молитвенных домов относились к компетенции разных советских органов. С 17 октября 1922 г. они решались Комиссией по проведению в жизнь отделения церкви от государства, также известной под названием Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) [10]. С конца 1929 г. сфера религиозных вопросов сосредоточилась в руках Политбюро ЦК ВКП(б). Делами закрытия церквей и вопросами идеологии занимался Секретариат при председателе ВЦИК. С 1929 г. эти функции стала исполнять Постоянная комиссия по вопросам культов при ВЦИК СССР,

на которую была возложена «обязанность общего руководства и наблюдения за правильным проведением политики партии и правительства в области применения законов о культах на всей территории РСФСР» [11]. 6 февраля 1930 г. право принятия решения о закрытии молитвенных зданий было передано в ведение областных и краевых исполкомов. Постоянная комиссия в связи с этим утратила влияние на местах. 30 мая 1931 г. Президиум ВЦИК переименовал Постоянную комиссию в Постоянную центральную комиссию по рассмотрению религиозных вопросов при Президиуме ВЦИК и утвердил «Положение о Постоянной центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов». В мае 1934 г. сфера деятельности Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК была расширена, а сам орган получил статус союзного значения при Президиуме ЦИК СССР [12]. Круг вопросов, подлежащих ведению комиссии, был тем же, что и у Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК с той разницей, что охватывал не общероссийский, а всесоюзный уровень. Постоянная комиссия по рассмотрению религиозных вопросов при Президиуме ЦИК СССР была ликвидирована 16 апреля 1938 г. [13]

В связи с утверждением «Положения о Постоянной центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов», 10 июня 1931 г. в Ростове-на-Дону была учреждена Постоянная комиссия по вопросам культов при Президиуме Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. В ее состав вошли: председатель Ф.К. Федоров, заместитель председателя Дзедзиев и секретарь Н.С. Гавриленко [14]. С момента учреждения комиссии до 1938 г. закрытие церквей на Дону относилось к ее ведению. Постановления о закрытии принимались комиссией одним протоколом от четырех до пяти раз в год [15]. В 1938 г. право закрытия церквей перешло в ведение Президиума Ростовского областного исполнительного комитета. До 1938 г. спорные вопросы и жалобы рассматривались постоянной комиссией по рассмотрению религиозных вопросов при Президиуме ЦИК СССР.

Закрытие храмов всех религиозных деноминаций регламентировалось советским законодательством. В 1930-х гг. закрытие осуществлялось в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. [16], которое завершило развитие советского законодательства о свободе совести и религиозных объединениях 1920-х гг.

На Дону процесс закрытия церквей проходил в три этапа. На первом этапе с 1920 по 1923 г. закрывались домовые храмы и церкви при тюрьмах и учебных заведениях Донской области (с 1924 г. – в составе Юго-Восточной области, затем Северо-Кавказского края, с 1934 г. – Азово-Черноморского края, с 1937 г. – Ростовской области). Второй этап – с 1924 по 1928 г. – время закрытия наиболее крупных храмов в городах, станицах и слободах. Заключительный этап – с 1929 по 1941 г. – время массового закрытия церквей и молитвенных зданий [17], которое особенно стимулировалось деятельностью Союза воинствующих безбожников.

Публикуемые ниже документы относятся к третьему этапу закрытия храмов на Дону. В большинстве случаев они представляют собой заявления верующих, либо исполнительных органов религиозных общин в адрес центральных (Постоянной комиссии по рассмотрению религиозных вопросов при Президиуме ЦИК СССР; ЦИК СССР) и региональных (секретариата исполнительного комитета Азово-Черноморского края) органов власти, в которых сообщается о незаконном закрытии храмов. В единственном числе представлены заявление членов церковного совета церкви Рождества Богородицы слободы Ефремовки председателю ВЦИК М.И. Калинину и, в качестве реакции на заявление верующих, докладная записка президиума Раздорского райисполкома Постоянной комиссии по рассмотрению религиозных вопросов при Президиуме ЦИК СССР о необходимости закрытия церкви в станице Раздорской.

Публикуемые документы представляют интерес как для демонстрации отношения местных органов власти к религиозным общинам и их представителям, так и для истории повседневности. Показательным является, во-первых, игнорирование местными органами власти указаний центральных исполнительных органов, во-вторых, противостояние прихожан-казаков местной власти, представленной по выражению казачества, «иногородними», чуждыми и культуре, и истории донского региона. Как со стороны местных органов власти, так и со стороны прихожан, предпринимавших попытки спасти

свой храм, можно констатировать злоупотребления при сборе подписей. Этот факт является косвенным подтверждением того, что к 1930-м гг. реальная численность верующих, сознательно участвовавших в жизни Церкви, была незначительной.

Поскольку документы архива Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета сегодня не выявлены, к публикации представлены документы, сохранившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ).

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. В угловых скобках даны пояснения публикатора. Документы публикуются впервые.

**Заявление верующих Архангельской церкви станицы Романовской¹
в Секретариате исполнительного комитета Азово-Черноморского края
о незаконном закрытии храма. Январь 1936 г.**

Всероссийский
Центральный
Исполнительный комитет
2/АЗ 27.І.36 г.²

Центральная власть нашей Советской страны своими циркулярами запрещает делать насилие над верующими³, но наша местная власть насильственно отобрала у нас, верующих, храм, и запретила нам молиться где-либо.

Мы, верующие, все пункты договора выполняли, все налоги выплачивали и заплатили страховку за 1936 г. В августе 1935 г. приступили к окраске здания храма, как внутри, так и снаружи. Для этого наняли мастеров, приобрели материал, и как только приступили к окраске, так сейчас же местная власть засыпала зерном наш храм, не оставила нам ни единого придела для моления, и без всякого договора. В октябре месяце Романовское отделение милиции без всякой уплаты забрало у нас красильные материалы. И 26 октября отобрали у нас совершенно все: как здание храма, так и все вещи, ставя нам [в] вину, что мы отказались от содержания храма, но это неверно, нас насильственным образом отбили, засыпав храм, и поставив своего сторожа, а нас и близко не подпускали к храму, а затем говорят, что отказались, да они с нами и не разговаривали. И когда 20 октября 1935 г. собралось нас, верующих, человек тридцать, и явились с просьбой в с[ельский] совет, то председатель с[ельского] сов[ета] не разговаривал с нами, приказав «разойтись, в противном случае будете арестованы», и мы со слезами на глазах разошлись по домам. И в настоящее время из нашего храма сделали клуб. А мы, верующие, просим высшую центральную власть обратить внимание на нашу просьбу верующих разобрать дело о закрытии нашей общины, и дать возможность нам молиться, отпустить для этого какое-либо помещение, так как из церкви уже сделан клуб. В просьбе просим не отказать. Результат данного заявления направлять по адресу: станица Романовская н[а]/Д[ону], Романовского р[айо]на, А[зово]-Ч[ерноморского] к[рая] Симоновой Любви Павловне. До востребования.

Подпись верующих: 1) ?⁴

¹ Архангельская церковь станицы Романовской основана до 1751 г. В 1848 г. было освящено четвертое по счету деревянное здание на каменном фундаменте, с такой же колокольней. Иконостас резной работы делался в Петербурге. В 1893–1894 гг. храм был расширен за счет пристройки двух приделов [18].

² Поверх штампа надпись карандашом «Комкульт[неразборчиво]» и штампованная дата «23 янв. 1936»; в правом верхнем углу карандашом поставлена пометка «В дело 4.ІІ.36 <подпись>».

³ Согласно Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза СССР от 5 декабря 1936 г.): «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами» [19].

⁴ В документе вопросительный знак поставлен карандашом, подписей верующих нет.

ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 326. Л. 84–85 об. Копия. Рукопись

Рис. 1. Архангельская церковь станицы Романовской [20].

**Прошение верующих Николаевской церкви станицы Багаевской¹
в Постоянную комиссию по рассмотрению религиозных вопросов при
Президиуме ЦИК СССР с сообщением о незаконном закрытии храма.
28 августа 1936 г.**

Большая часть нашей церкви несколько лет подряд засыпалась государственным хлебом, а в 1935 году засыпалась хлебом вся церковь, а нам, верующим, была предоставлена памятник-часовня на нашем кладбище².

В декабре месяце 1935 г. мы опять возвратились в свой родной храм, хотя мы там молились недолго. Несмотря на нашу просьбу, нам не дали даже помолиться в великие праздники – Вербное [воскресенье] и Пасху – и выгнали нас. Проще сказать: без согласия верующих у нас взяли церковь, не считаясь ни с кем и ни с чем, и основываясь на том, что на собраниях колхозов постановлено отдать церковь на нужды государству.

В 1935 г. от нас потребовали, чтобы мы отремонтировали снаружи церковь, и мы беспрекословно выполнили это требование, затратив на это большие суммы. За 1936 год полностью заплатили гос[ударственную] страх[овку] в количестве 1250 руб. Заплатили со строений и ренты больше тысячи (1000 руб.). Из этого видно, что мы заботились о своем храме и старались удержать его в своих руках.

Мало этого, РИК³, отобрав у нас церковь, продал ее Рогачевскому колхозу, а тот на наших глазах разбирает нашу святыню, нашу драгоценность. Больно верующему сердцу, что это происходит на наших глазах. Все верующие волнуются, что они лишились своей святыни, и еще потому, что негде молиться, т[ак] к[ак] памятник-часовня не может вмещать молящихся, в особенности в дождь или стужу.

А так как церковь еще не вся разобрана, то мы не теряем еще надежды, чтобы нам ее возвратили обратно. В крайнем случае, просим назначить формальное следствие

¹ Николаевская церковь Багаевской станицы была основана до 1744 г. Каменный трехпрестольный храм освящен в 1892 г. [21].

² Имеется в виду однопрестольная кладбищенская церковь-часовня во имя Оранской иконы Божией Матери (престол 23 июня). Была построена в 1909 г. на старом станичном кладбище на средства Высокопреосвященнейшего Назария (Кириллова), архиепископа Нижегородского и Арзамасского. Освящена 30 августа 1909 г. Вместительность храма – 25 человек [22].

³ Районный исполнительный комитет.

и выяснить, на каком основании без согласия верующих взяли у нас церковь, и как об этом проводились в колхозах общие собрания.

1936 г. 28 августа

Представители прихода: <подписи карандашом>

ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 327. Л. 20–20 об. Подлинник. Рукопись.

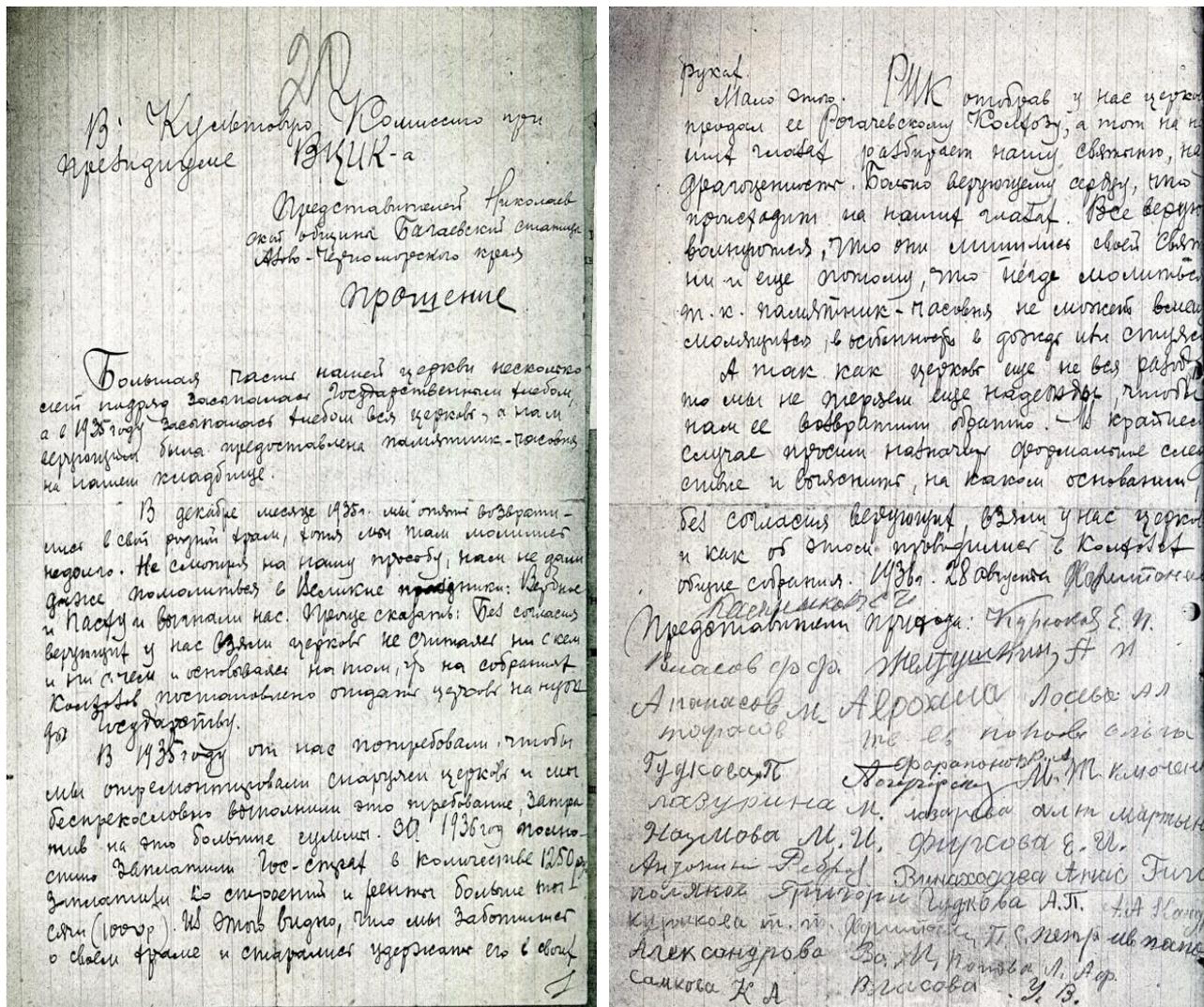

Рис. 2. Прошение верующих Николаевской церкви станицы Багаевской в Постоянную комиссию по рассмотрению религиозных вопросов при Президиуме ЦИК СССР с сообщением о незаконном закрытии храма. 28 августа 1936 г. [23]

Заявление членов церковного совета церкви Рождества Богородицы слободы Ефремовки¹ председателю ВЦИК М.И. Калинину о незаконном закрытии храма. 1937 г.

Мы, члены церковного совета Рождество-Богородицкой церкви сл[ободы] Ефремовки Федоровского района командировали в Москву к Вам с заявлением о нашем храме, который местной властью запечатан, хотя еще ключи от него находятся у нас. Уполномоченные

¹ Церковь построена в 1862 г. на средства жены подполковника графини Анны Сефановны Платовой (урожденной Ефремовой). Освящена 13 ноября 1862 г. Кирпичная, однопрестольная, на каменном фундаменте, с такой же колокольней [24].

от нас доставили заявление, но им не дали никакой расписки о получении от нашего имени заявления. В заявлении мы указывали, что храм наш 27 июня был закрыт по следующим причинам, которые будто грозят завалом церковного здания. Комиссия в составе техника (по ремонту шоссежных дорог), членов с[ельского]совета, и с нашей стороны была приглашена 70-десятилетняя старушка, и было установлено техническим надзором и с[ельским] советом, что на чердаке не хватило (19) девятнадцать стоек по 2 м от пола на колокольне, одной решетки деревянной с окна и 17 стекол. Мы, члены церковного совета, после осмотра здания были приглашены в с[ельский] совет для подписи акта о недостатке церковных предметов. Мы, члены церковного совета, дали согласие расписаться в том случае, если указанные вещи будут числиться расхищенными колхозными лицами, но нам на это сказали, что «подписаться вы должны, а жаловаться можете, куда знаете». И на самом деле, указанные вещи были расхищены не нами, а колхозниками. На наших глазах все тянули из храма, и на наш вопрос «Куда берете памятники, лестницы и скамейки?», нам отвечали: «Не ваше дело». Мы, колхозники, занимаем храм, и все [здесь] наше. У нас просили под засыпку зерна храм на 1/2 месяца, а продержали 7 месяцев, и в течение такого времени продолжительного много церковного имущества ушло из храма. На все эти расхищенные вещи у нас имеется в приходо-расходной книге акт. Относительно пола, который находился на колокольне – он был уничтожен при снятии колоколов, когда большой колокол был упущен, то половина пола была уничтожена, а остальная часть и до настоящего времени находится на колокольне. Деревянная решетка также была рабочими сбита для удобства снятия колокола (большого).

Нами было подано заявление в крайисполком 29 июня, и до настоящего времени ничего не слышно. Мы просили, чтобы нам разрешили ремонт, но нам ничего не обещают. Краска и масло у нас приготовлены. Покраска здания производилась в 1928 г., а штукатурка производилась в 1929 г. Конечно, если бы у нас колхоз не забрал масло, краску, канаты, щетки и так далее, то мы ремонтировали бы еще в 1935 г. свой храм.

С 1931 г. мы, члены церковного совета, с частной квартиры пригласили своего священника в караульное помещение, и предложили ему быть сторожем, а его жене – уборщицей. Стого времени они живут и до настоящего времени. В настоящем году по распоряжению райисполкома с[ельский] совет обмерил две комнаты в сторожке, коридорчик, сарайчик и небольшую кухню летнюю, и вместо 32 метров установили 51 метр, и за все время с 1931 г. по настоящее установили в месяц по 35 руб. на сумму 2856 руб. (две тысячи восемьсот пятьдесят шесть).

Когда колхоз занимал здание церковное, то нам было разрешено служить в караульном помещении, и в настоящем году, после технического осмотра и наложения печатей, также было разрешено служить в караульном помещении, хотя без всяких принадлежностей, потому что все осталось в храме. После некоторого времени стали на словах запрещать служить и в караульном помещении. А еще далее и предлагают нашему священнику, пробывшему в нашем районе 20 лет, освободить Фед[оровский] район, тоже на словах, а письменно не запрещают.

Просим Вас рассмотреть наше дело и прислать нам через наш районный комитет результат.

1937 г.

Члены церковного совета <неразборчиво> совета: И. Кузьминов, Евдокия Ф. Сергиенко, М. Гаврилова, С. Петрова, И. Гончарова, а за них неграмотных и за себя расписались А. Долгова, Е. Кириченко.

ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 327. Л. 89–90 об. Подлинник. Рукопись.

**Заявление членов церковного совета Успенской церкви станицы Ольгинской¹
в Центральный исполнительный комитет СССР о незаконном закрытии храма.
1 августа 1937 г.**

Неверующие и местная власть в лице с[ельского] совета ст[аницы] Ольгинской давно-давным всевозможными подвохами силилась и силятся закрыть наш храм. В 1935 г. хотели закрыть, мы Вас обжаловались², и Вы тогда освободили нас от их насилия, и с тех пор до 11 июля с[его] г[ода] у нас свободно служилось в храме. Но, как видно, местные неверующие не успокоились, они придумали еще худшее. Соорудили в газете ложный донос, который уже спешно послан при жалобе прокурору СССР, и наших служителей 12 июля арестовали ни за что, без вины. Мы все, верующие, глубоко уверены, что когда НКВД разберется, то убедится, что батюшка наш, о[тец] Алексей Афанасьев и диакон Кравченко не виновны, и их должны освободить³.

Мы же, верующие ст[аницы] Ольгинской, после ареста нашего духовенства, остаемся без отправления религиозных обрядов, хороним мертвых как скотов, без всякой почести. Кроме того, [в] такой великий день для нас как престольный праздник св[ятой] Ольги 24 июля, в честь которой и названа наша станица Ольгинская, мы остались без религиозного утешения.

Перед этим мы обратились в Аксайский РИК с просьбой зарегистрировать другого священника – Михаила Данилевского – на время, РИК отказал, написал резолюцию-небылицу, которую мы при сем прилагаем. Выходит так, что несколько человек безбожников только власть имущих незаконно запрещают верующим исполнять свои религиозные обряды, а по конституции т[оварища] Сталина⁴ объявлена всенародно на весь свет свобода совести и свобода отправления религиозных обрядов, а между тем наш сельсовет в лице помощ[ника] председ[ателя] Березникова уже опечатал нашу церковь, поставил вопрос так, что будто бы нам уже церковь не нужна. Это будет неверно – без церкви мы жить не можем, и не хотим. По закону, верующие свободно могут отправлять религиозные обряды, а где же тогда отправлять их, и с кем, если церкви будут закрывать, а служителей арестовывать, и взамен их других не регистрировать? Кроме того, в конституции сказано, что все должны подчиняться закону, а между тем мы видим, что для безбожников закон, как видно, не писан, они силою хотят закрыть нашу церковь, не считаясь с нашими религиозными потребностями.

Заявляя о сем, покорнейше просим Центральный исполнительный комитет освободить нашу церковь от насилий местной власти и дать нам возможность свободно в церкви отправлять свои религиозные обряды, и одновременно просим освободить от ареста ни в чем не повинных наших служителей: священника Алексея Афанасьева и диакона Кравченко.

Список верующих при сем прилагаем. Мы глубоко надеемся, что Вы поймете нашу душу и не замедлите удовлетворить нашу законную просьбу. В ожидании от Вас ответа пребываем к Вам с истинным почтением

Председатель церковного совета ст[аницы] Ольгинской.

1/VIII-1937 г.

Члены: Головкова Анна Анд[реевна], Скороходова Н.

ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 328. Л. 29–29об. Подлинник. Рукопись.

¹ Основана в 1812 г. Каменное величественное пятикупольное здание церкви было освящено 28 апреля 1902 г. [25]. После закрытия храма 19 декабря 1939 г. Ростовский облисполком принял постановление «О реконструкции и приспособлении здания бывшей церкви в станице Ольгинской Аксайского района под психиатрическую колонию» [26].

² Имеется в виду «мы Вам жаловались».

³ В предварительных списках репрессированного духовенства Донской и Новочеркасской епархии, составленных в связи с подготовкой к изданию Книги памяти донского духовенства, имена священника А. Афанасьева и диакона Кравченко отсутствуют [27].

⁴ Имеется в виду конституция 1936 г.

Рис. 3. Успенская церковь станицы Ольгинской
Фотография из частной коллекции

**Заявление верующих церкви во имя святой мученицы Параскевы Пятницы станицы Маньчской¹ в Постоянную комиссию по рассмотрению религиозных вопросов при Президиуме ЦИК СССР о незаконном закрытии храма.
30 сентября 1936 г.**

23 июня 1936 г. нашего церковного старосту и священника утром позвали в Маньчский ст[аничный] совет. Здесь председатель ст[аничного] совета и уполномоченный Багаевского райфо² объявили им, что решением президиума Багаевского РИКа, утвержденным президиумом Аз[ово]-Чер[номорского] крайисполкома 13 июня 1936 г., Пятницкая церковь станицы Маньчской закрыта.

Уполномоченный Багаевского райфо потребовал от церковного старосты ключи от церкви, послал священника за описью, и чрез 10 мин. было приступлено к изъятию и реализации церк[овного] имущества. Здесь же, в церкви, церк[овное] имущество <...>³ и тотчас же продавалось. Ризы, облачения престолов и жертвенников, шали, платки, ковры и парчу здесь же купил представитель какого-то <...>⁴, приехавший с уполномоченным райфо; серебряные вещи были изъяты в распоряжение Багаевского райфо; медные вещи были отправлены по назначению; столы, аналои, деревянные престолы, жертвенники,

¹ Основана до 1748 г. Каменная трехпрестольная церковь была построена в 1905 г. по проекту архитектора И.П. Злобина [28].

² Районного финансового отдела.

³ Текст скрыт под сшивом.

⁴ Текст скрыт под сшивом.

скамьи, иконы купило сельпо. К вечеру была закончена реализация церк[овного] имущества.

Таким образом, не было предоставлено нам и одного дня для обжалования постановления крайисполкома в президиум ВЦИКа, чем нарушена ст. 37 постановления ВЦИКа и СНК РСФСР о религиозных объединениях.

Из прилагаемой при сем копии постановления президиума Аз[ово]-Чер[номорского] крайисполкома № 61 о закрытии нашей церкви видно, что Пятницкая церковь закрыта не постановлением граждан станицы Маньчской, а по решению Багаевского РИКа, утвержденному президиумом крайисполкома.

Все государственные налоги за церковь (страховка, налог со строений и рента), всего почти 3000 руб., уплачены нами аккуратно, досрочно вперед за 1936 г.

Ремонта церкви нам официально не предлагали. Да и не одни мы пользовались нашей церковью. В течение последних четырех лет половину площади церкви занимает «Заготзерно». Прошлую зиму часть церкви была занята еще под склад цемента.

Посещаемость нашей церкви на Пасху, Рождество Хр[истово], Благовещение, Троицу, престольные праздники доходила до пятисот человек.

После закрытия нашей церкви, хотя гр[ажданская] власть и разрешила нам перейти в небольшую старообрядческую церковь¹, но предоставленное нам старообрядцами место нас совершенно не удовлетворяет. Там только один алтарь. Старообрядцы, хотя их вдвое меньше, чем нас, православных, не уступили нам алтаря. И нам пришлось поместиться в боковом придельчике без алтаря. Но и здесь старообрядцы не дают нам спокойно помолиться. Среди нашего богослужения их священник часто заявляет нам, что пора кончать, ибо они будут начинать. И нам приходится выходить из церкви на двор оканчивать богослужение. Если же они первые начнут служить, нам, потеряв надежду дождаться конца их богослужения, часто приходится начинать молиться на дворе.

Таким образом, мы лишены возможности свободно совершать богослужение в церкви.

Верующих нашей общины особенно печалит то, что церковь нашу закрыли уже после опубликования проекта новой конституции², по которой верующим предоставлена свобода отправления религиозных культов.

На основании всего вышеизложенного верующие Пятницкой церкви станицы Маньчской просят Вас отменить постановление президиума Аз[ово]-Чер[номорского] крайисполкома и вернуть им здание Пятницкой церкви стан[ицы] Маньчской для совершения в нем богослужения, или, в крайнем случае, предоставить в пользование верующих один боковой придел с алтарем в Пятницкой церкви.

Прилагаем копию постановления президиума Аз[ово]-Чер[номорского] крайисполкома о закрытии Пятницкой церкви от 13 июня 1936 г. № 61.

1936 г. 30 сентября

Уполномоченные от верующих Пятницкой церкви станицы Маньчской Терсков Алексей Федорович, Чекмарев Тимофей Михайлович, Михина Александра.

ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 328. Л. 19–21. Подлинник. Рукопись.

¹ Имеется в виду Покровская единоверческая церковь станицы Маньчской, построенная и освященная в 1911 г. [29].

² Имеется в виду конституция 1936 г.

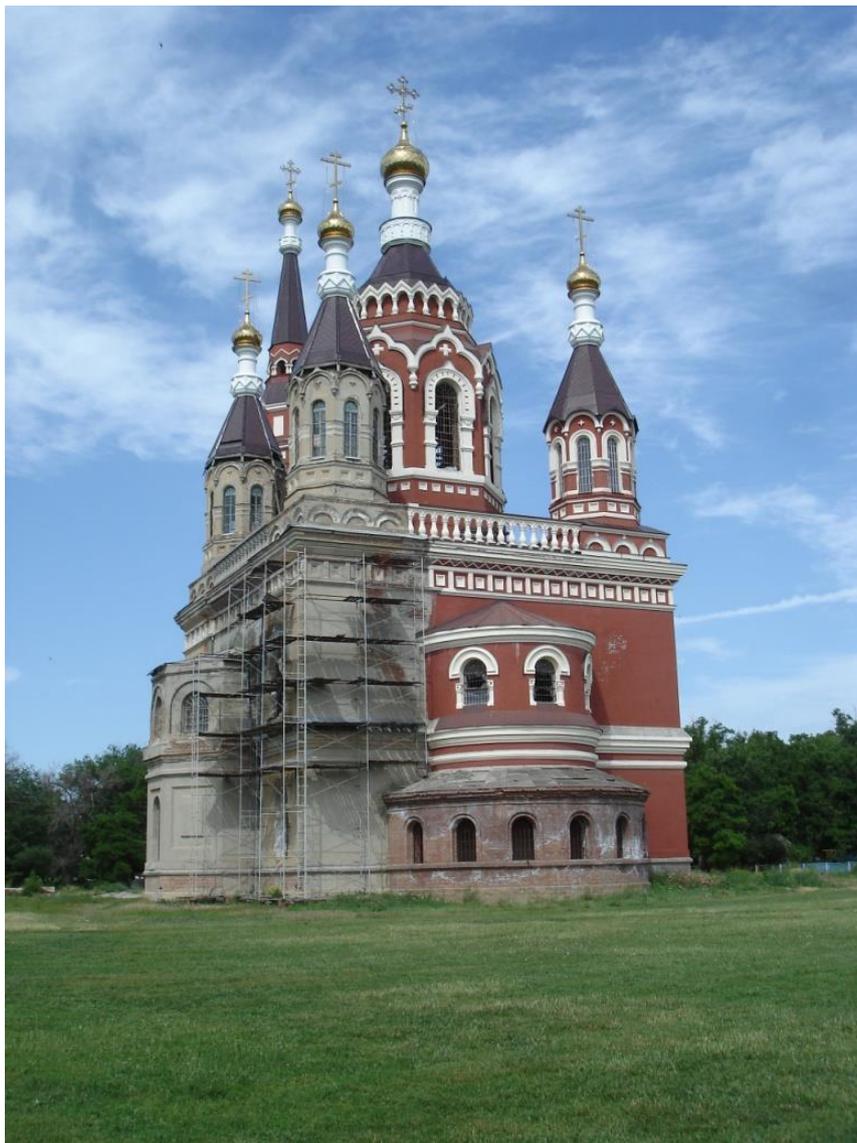

Рис. 4. Церковь святой мученицы Параскевы Пятницы станицы Манычской. 2015 г.
Фотография А.В. Шадринной

Заявление исполнительного органа церкви во имя Донской иконы Божией Матери станицы Раздорской¹ в Постоянную комиссию по рассмотрению религиозных вопросов при Президиуме ЦИК СССР о незаконном закрытии храма. 31 октября 1935 г.

24 августа сего года мы по договору отдали местному «Заготзерно» часть храма со входа, 12 метров в длину, для засыпки подсолнечных семян. Остальная часть храма с боковыми дверями и с приделами, само собою разумеется, оставалась в наше полное распоряжение для исполнения наших религиозных нужд. Но «Заготзерно», получив ключи от храма, стало распоряжаться в нем, нагло издеваясь над нами, тысячами верующих, как Япония в Китае. Он засыпал приделы просом, фасолью, овсом, и, в конце концов, мукой. Проса мешков 10–12, фасоли столько же, овса вовсе немножко. Наконец, 30/X стал выбрасывать иконы, якобы ввиду того, что они мешают. Нельзя сказать о том, что семечки насыпаны по пояс, а фасоль, просо и овес – по колени. К тому же, очень часто рабочие

¹ Первое упоминание церкви в станице Раздорской относится к 1643 г. Каменный храм был освящен в 1824 г. [30].

работают беспризорно и бесконтрольно – входят, выходят с порожними мешками без самого заведующего и даже без весовщика.

Отдавая часть храма, верующие освободили эту часть от икон, переложив их в часть, оставленную себе. Когда теперь этот самочинник занял весь храм, кто станет отвечать, если рабочий завернет в мешок и вынесет хотя бы одну серебряную икону? Мы обратились в Раздорский РИК. Нас не только не защитили от этого анархиста, а, наоборот, отобрали у нас договор, очевидно, для того чтобы обезоружить нас, жалобу не разобрали, и проводили с разными насмешками. Мы обратились к районному прокурору. Последний дал бумажку такого содержания: «Тов. Бажутову. По получению сего немедленно урегулировать вопрос с верующими так, чтобы молящиеся не встречали препятствий». Гр[аждаин] Бажутов сказал: «Никаких прокуроров, ни приказов, ни законов не признаю, а приказываю занять весь храм». Более возмутительного ничего никогда не встречали. Это говорит большевик, это говорит партиец, это говорит лицо, состоящее во власти, т.е. действует от имени большевизма, от имени партии, от имени Сов[етской] власти и ее законов, оставаясь беззаконником. Что, если бы его приказ кто-либо не исполнил? Ясно, что он отдал бы под суд такого ослушника. Таких большевистских идей нет, такой партийной линии нет, законов таких нет, а отсюда явствует, что гр[аждаин] Бажутов действует самочинно, как анархист.

9/IX мы жаловались в крае. Ответа оттуда не получаем. Быть может, там тоже Бажутовы сидят и находят его поступок согласованным с партийной линией.

Не излишне будет сказать, что в распоряжении «Заготзерно» есть амбар вместимостью в 10 000 тонн и склад наполовину менее, в которых нет ни одного зерна, и который в совершенно исправном виде.

На основании вышеизложенного просим Постоянную комиссию по религиозным делам стать на защиту революционной законности, защитить наши угнетенные права и приказать освободить храм, согласно договору.

Члены испол[нительного] органа: Бандовкина, а за нее неграмотную и за себя подписался Куканов, Попова, А. Кажанов

1935 г. 31/X

ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 333. Л. 37–37об. Подлинник. Рукопись.

Докладная записка президиума Раздорского райисполкома Постоянной комиссии по рассмотрению религиозных вопросов при Президиуме ЦИК СССР о необходимости закрытия церкви во имя Донской иконы Божией Матери станицы Раздорской. Не ранее июня 1936 г.¹

По вопросу закрытия Раздорской Богородицкой церкви (см. решение АзчерКИКа² от 13.VI-1936 г. прот[окол] № 61 и решение Президиума Ростовского РИКа от ... 1936 г.)

Протест верующих, посланный ЦИКу – это полнейшая фальсификация уголовного порядка: во-первых, они его стряпали целых полмесяца, все собирали подписи, где главную роль сыграла в этом здесь проживающ[ая] некая монашка, которая вместе с попом и была организатором этой «филантропии»; почему филантропия – да потому, что в этом протесте есть такие фамилии, которые требуют немедленного разоблачения и привлечения к уголовной ответственности.

Во-первых,

1/ Там есть фамилии умерших, т.е. не существующих людей на свете.

2/ Есть фамилии граждан, совсем не проживающих в ст[анице] Раздорской.

3/ Есть фамилии тех лиц, которые неграмотные, и за неграмотных расписывалась эта самая монашка (организатор протеста) без их ведома, т.е. без ведома неграмотных гр[аж]дан.

¹ Датирована по содержанию документа.

² Азово-Черноморского краевого исполнительного комитета.

4/ Есть еще такая фальсификация, что в протесте указаны фамилии граждан, кои грамотные, и монашка, и другие расписывались за них, как за неграмотных, чего, конечно, просители не хотели бы.

Факты отдельных лиц можно перечислить и приложить особо к нашей докладной.

Теперь дальше, почему мы крепко настаиваем перед ЦИКом Союза ускорить процесс рассмотрения дела закрытия церкви, находящейся в районном центре.

В необходимости помещения мы как новый район¹ терпим крепкую нужду; это напрашивается тем, что с каждым годом народ культурно растет, следовательно, и потребность, и требовательность населения также своим чередом растет.

Имеющиеся в станице МТС, средняя школа, дом отдыха, ИТР, «Шахтантрацит» Водоканалстрой, НКПС, Шахтинское пригородное хозяйство, Геологопартии, производственные пункты Райвинкомбината, пристань речная, два колхоза. Во всех этих организациях (кроме рай[онных] учреждений и организаций) имеются и специалисты, рабочие, колхозники, и все это требует нашего внимания и заботы культурно обслужить. Но за неимением средств, как ассигнований, а также по капиталовложениям и готовых помещений, мы при всем нашем искреннем желании не в силах этого сделать, и удовлетворить те элементарные запросы. Поэтому трудящееся население Раздорского сельсовета выдвинуло вопрос о необходимости закрытия церкви, так как ее посещают 5–7 человек, и использование ее для культурных целей.

Во-вторых, сейчас эта необходимость (закрытие церкви) связана с тем, что у нас в районе хотя дом Соцкультуры был (ДСК), а теперь и этого нет, так как помещение ДСК, в котором оборудовали звуковой кинотеатр, т.е., если до нашего ходатайства и ходатайства населения ст[аницы] Раздорской о закрытии церкви у нас нужда была только в клубе «Ворошиловских кавалеристов»² районного значения, то теперь у нас диктуется закрытие церкви двойной необходимостью, вернее, нужен нам ДСК, и нужен нам клуб «Ворошиловских кавалеристов» и Осоавиахима, и третье – мы нуждаемся крепко в районной библиотеке, помещения для которой также район не имеет, а помещение церкви вполне позволяет оборудование таковой.

Вот из каких соображений мы просим удовлетворить ходатайство трудящихся ст[аницы] Раздорской и утвердить постановление пленума Раздорского сельсовета и постановление Раздорского РИКа и АзчерКИКа о закрытии церкви Богородицкой, находящейся в ст[анице] Раздорской в центре площади райцентра, средства на переоборудова[ние] здания церкви под клуб «Ворошиловских кавалеристов», ДСК, рай[онную] библиотеку, не возражают помочь вышеуказанные организации и колхозы, т[ак как] они преследуют интересы районного значения.

Помещение здания церкви вполне соответствует под оборудование рай[онного] клуба и рай[онной] библиотеки.

1/ При сем прилагается постановление президиума Р[ИКа], и, кроме этого, прилагается фотосъемка видов к[ак] наружного, а также и внутреннего пространства Богородицкой церкви.

2/ Смета и план работ переоборудования.

3/ Постановление президиума РИКа о[б] ассигновании.

4/ И докладная начальника РОМ НКВД³.

Председатель Раздорского исполнительного комитета советов
Аз[ово-]Чер[номорского] края
Секретарь Раздорского районного исполнительного комитета

/Ромашко/
/Карпенчук/

ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 333. Л. 9–10. Подлинник. Машинопись.

¹ Раздорский район Азово-Черноморского края был учрежден в 1935 г., в 1937 г. вошел в состав Ростовской области. Упразднен в 1963 г.

² В подлиннике: «Ворошиловских Коваллеристов».

³ Районного отдела милиции НКВД.

Рис. 5. Церковь Донской иконы Божией Матери станицы Раздорской [31].

Рис. 6. Иконостас церкви Донской иконы Божией Матери станицы Раздорской [32].

Заявление исполнительного органа церкви во имя Донской иконы Божией Матери станицы Раздорской в Постоянную комиссию по рассмотрению религиозных вопросов при Президиуме ЦИК СССР о незаконном закрытии храма. 1937 г.¹

В 1936 г. была у Вас представительница нашей религиозной общины с протестом на незаконное постановление пленума о закрытии нашей церкви, и на то, что подписи по этому вопросу собраны нашим ст[аничным] советом незаконно, и там почти нет гр[аждан] нашей станицы, исключая некоторых служащих, подписавшихся скрепя сердце, боясь потерять место, тем более там не было членов нашей общины, которые почти все колхозники, а подписали все больше случайные посетители нашей ст[аницы] как районной на Первомайских праздниках, в том числе и «Ворошиловские кавалеристы», на которых ссылается край.

Вы ей ответили, что Вами еще в декабре месяце дано было распоряжение очистить наш храм, временно занятый хлебом, и что не новый вопрос о ликвидации, и надо сначала узнать решение урая, куда ею же по дороге в Москву подан был такой же наш протест. Вернувшись обратно, она пошла узнать в край решение по данному вопросу, причем при сдаче бумаг ей было сказано, что разбираться будет 17/V, а она пришла узнать 19/V. Там ей ответили, что церков[ь] возвращена, и правда – 21/V нам передали ключи от «Заготзерно» от церкви. Мы, конечно, были в полной уверенности, что вопрос решен окончательно, и начали производить ремонт нашего храма, который уже и закончили внутри, а часть материала уже приготовили и для наружного ремонта, а те бумаги, которые привозила к Вам наша уполномоченная, с подписями 400 чел[овек], за ненадобностью сожгли. Вдруг 25/VI призывают нашего члена исполнит[ельного] органа Куканова в РИК, и объявляют ему, что пришло решение края о закрытии церкви. Ведь это возмутительно! Зачем же было говорить 19/V, что возвращена?! Почему нельзя сказать, что если еще не рассмотрено? Мы бы ждали, и дальше хлопотали. А то заставили нас тратить и деньги, и время своего отдыха на ремонт. Мы знаем из Ваших слов, что имеем право обжаловать в ЦИК в течение двух недель, и потому просим Вас оставить нам храм. Лично послать сейчас не можем, т[ак] к[ак] все заняты работой в колхозе, но надеемся, что и письмо до Вас дойдет. Храм у нас один на станицу и на 3 хутора, он же является кладбищенским. Мы протестуем против такого насилия. Как могут решать «Ворошиловские кавалеристы», если они наши случайные гости: 1 мая приехали на парад и уехали, где – неизвестно. Все колхозники по бригадам, за очень небольшим исключением, отказались подписать бумаги о закрытии церкви, когда туда приходили члены ст[аничного] сов[ета] и уговаривали, и все они подписали просьбу в церкви о ее открытии. Как же потом пишут, что церковь закрывается по желанию граждан самих?! Зачем же такой обман?! Пусть не ходит, кто не хочет, мы не зовем, а для клуба помещение у нас очень и очень хорошее и поместительное. Мы знаем, что существует закон, по которому даже 20 человек могут зарегистрировать храм на себя и содержать его, и они являются законной организацией в глазах государства. Мы же не 20 человек, а 3 хутора и станица. Мы ни в чем не проявили несостоятельности. Налог нами внесен уже и за <текст скрыт под шивом> г. Тем более теперь, когда по проекту новой конституции объявляется широкая свобода совести и свобода религиозных культов! Мы просим ЦИК дать эту свободу и отменить незаконное постановление о закрытии нашего храма. Снова собрать подписи членов нашей общины сейчас трудно, т[ак] к[ак] все они на работе, многие там и ночуют. Боимся опоздать с протестом. Если надо, то можем представить после.

Члены исполнительного органа: Куканов, Попова М.И.

ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 333. Л. 21–22об. Подлинник. Рукопись.

¹ Датировано по содержанию документа.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках базовой темы бюджетного финансирования ЮНЦ РАН № 00-16-09 «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до Нового времени».

Примечания

1. Красиков П. А. На церковном фронте. 1918–1923. М.: [Б.и.], 1923. С. 16–24.
2. Бардилова Ю.П. «Предать суду всех лиц, уличенных в издевательских выходках по отношению к верующим...»: нарушения советского «религиозного» законодательства региональными властями при закрытии церквей на территории Европейского Севера России в конце 1920–1930-е гг. // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 216–227.
3. Денисов Д.Н. Методы ликвидации православных приходов в 1930-е годы (на примере Оренбургской епархии) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 2 (4). С. 348–356.
4. Ершов А.Л. Роль Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК в регулировании взаимоотношений Русской Православной Церкви и местных властей во Владимирском крае в 1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. Вып. 4. С. 94–101.
5. Лавринов В.В. Репрессии в отношении Церкви на Урале в 1930-е гг. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2009. № 3. С. 54.
6. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е годы. Сборник документов. Ростов-на-Дону: [Б.и.], 2013. С. 5.
7. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. К проблеме закрытия православных церквей на Дону в конце 1920-х – 1930-е гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 6 (49). С. 35–44.
8. Шубкин В.М. Воинствующий атеизм как политика государства в предвоенные годы на территории Оренбургской (Чкаловской) области // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 3 (58). С. 61–62.
9. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е годы. С. 5.
10. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. М.: Кучково поле, 2011. С. 292.
11. ГАРФ. Историческая справка к фонду Р-5263. Л. 1.
12. Одинцов М.И. Государство и церковь в России в XX веке. М.: Луч, 1994. С. 91.
13. Ведомости Верховного Совета СССР. 1938. № 23.
14. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1533. Л. 265, 266, 270.
15. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е годы. С. 24.
16. Орлеанский Н. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. М.: Безбожник, 1930. С. 6–26.
17. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е годы. С. 10.
18. Шадрина А.В. Храмы Донской епархии к XVII века – 1920 г. Справочник. Ростов-на-Дону: Антей, 2014. С. 337–338.
19. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. 1926. Ст. 124.
20. Донская церковная старина. Вып. 4. Новочеркасск: Частная Донская типография, 1915. С. 27.
21. Шадрина А.В. Храмы Донской епархии. С. 44–45.
22. Шадрина А.В. Храмы Донской епархии. С. 45.
23. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 327. Л. 20–200б.
24. Шадрина А.В. Храмы Донской епархии. С. 133.
25. Шадрина А.В. Храмы Донской епархии. С. 294–295.
26. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е годы. С. 349–350.
27. Шадрина А.В. Результаты выявления имен репрессированного духовенства Донской и Новочеркасской епархии 20–40-х гг. XX в. // Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси. Материалы XIX Димитриевских образовательных чтений. Ростов-на-Дону, Б.и., 2014. С. 202–211.
28. Шадрина А.В. Храмы Донской епархии. С. 223.
29. Шадрина А.В. Храмы Донской епархии. С. 223.
30. Шадрина А.В. Храмы Донской епархии. С. 331–333.
31. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 14. Д. 333. Л. 102.

32. ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 14. Д. 333. Л. 101.

References

1. Krasikov P. A. Na cerkovnom fronte. 1918–1923. M.: [B.i.], 1923. S. 16–24.
2. Bardileva Ju.P. "Predat' sudu vseh lic, ulichennyh v izdatel'skikh vyhodkah po otnosheniju k verujushhim...": narusheniya sovetskogo "religioznogo" zakonodatel'stva regional'nymi vlastjami pri zakrytii cerkvej na territorii Evropejskogo Severa Rossii v konce 1920–1930-e gg. // Novejshaja istorija Rossii. 2011. № 1. S. 216–227.
3. Denisov D.N. Metody likvidacii pravoslavnyh prihodov v 1930-e gody (na primere Orenburgskoj eparhii) // Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii. 2015. Vyp. 2 (4). S. 348–356.
4. Ershov A.L. Rol' Komissii po voprosam kul'tov pri Prezidiume VCIK v regulirovanii vzaimootnoshenij Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi i mestnyh vlastej vo Vladimirskom krae v 1930-e gody // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 2. Istorija. 2011. Vyp. 4. S. 94–101.
5. Lavrinov V.V. Repressii v otnoshenii Cerkvi na Urale v 1930-e gg. // Vestnik RUDN. Serija "Istorija Rossii". 2009. № 3. S. 54.
6. Tabunshhikova L.V., Shadrina A.V. Zakrytie cerkvej i molitvennyh zdanij Donskoj oblasti v 1920–1930-e gody. Sbornik dokumentov. Rostov-na-Donu: [B.i.], 2013. S. 5.
7. Tabunshhikova L.V., Shadrina A.V. K probleme zakrytija pravoslavnyh cerkvej na Donu v konce 1920-h – 1930-e gg. // Vestnik PSTGU. Serija II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2012. Vyp. 6 (49). S. 35–44.
8. Shubkin V.M. Voinstvujushhij ateizm kak politika gosudarstva v predvoennye gody na territorii Orenburgskoj (Chkalovskoj) oblasti // Vestnik PSTGU. Serija II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2014. Vyp. 3 (58). S. 61–62.
9. Tabunshhikova L.V., Shadrina A.V. Zakrytie cerkvej i molitvennyh zdanij Donskoj oblasti v 1920–1930-e gody. S. 5.
10. Kurljanskij I.A. Stalin, vlast', religija. M.: Kuchkovo pole, 2011. S. 292.
11. GARF. Istoricheskaja spravka k fondu R-5263. L. 1.
12. Odincov M.I. Gosudarstvo i cerkov' v Rossii v XX veke. M.: Luch, 1994. S. 91.
13. Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1938. № 23.
14. GARF. F. R-5263. Op. 1. D. 1533. L. 265, 266, 270.
15. Tabunshhikova L.V., Shadrina A.V. Zakrytie cerkvej i molitvennyh zdanij Donskoj oblasti v 1920–1930-e gody. S. 24.
16. Orleanskij N. Zakon o religioznyh ob#edinenijah RSFSR i dejstvujushhie zakony, instrukcii, cirkuljary s ot del'nymi kommentarijami po voprosam, svjazannym s otdeleniem cerkvi ot gosudarstva i shkoly ot cerkvi v Sojuze SSR. M.: Bezbozhnik, 1930. S. 6–26.
17. Tabunshhikova L.V., Shadrina A.V. Zakrytie cerkvej i molitvennyh zdanij Donskoj oblasti v 1920–1930-e gody. S. 10.
18. Shadrina A.V. Hramy Donskoj eparhii k. XVII veka – 1920 g. Spravochnik. Rostov-na-Donu: Antej, 2014. S. 337–338.
19. Donskaja cerkovnaja starina. Vyp. 4. Novoherkassk: Chastnaja Donskaja tipografija, 1915. S. 27.
20. Shadrina A.V. Hramy Donskoj eparhii. S. 44–45.
21. Shadrina A.V. Hramy Donskoj eparhii. S. 45.
22. GARF. F. R-5263. Op. 1. D. 327. L. 20–200b.
23. Shadrina A.V. Hramy Donskoj eparhii. S. 133.
24. Shadrina A.V. Hramy Donskoj eparhii. S. 294–295.
25. Tabunshhikova L.V., Shadrina A.V. Zakrytie cerkvej i molitvennyh zdanij Donskoj oblasti v 1920–1930-e gody. S. 349–350.
26. Shadrina A.V. Rezul'taty vyjavlenija imen repressirovannogo duhovenstva Donskoj i Novoherkasskoj eparhii 20–40-h gg. XX v. // Knjaz' Vladimir. Civilizacionnyj vybor Rusi. Materialy XIX Dimitrievskih obrazovatel'nyh chtenij. Rostov-na-Donu, B.i., 2014. S. 202–211.
27. Shadrina A.V. Hramy Donskoj eparhii. S. 223.
28. Shadrina A.V. Hramy Donskoj eparhii. S. 223.
29. Shadrina A.V. Hramy Donskoj eparhii. S. 331–333.
30. GARF. F. R-5263. Op. 14. D. 333. L. 102.
31. GARF. F. R-5263. Op. 14. D. 333. L. 101.

УДК 94(47)

**Особенности закрытия церквей на Дону в 1930-х гг. в документах
Государственного архива Российской Федерации**

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии
Алла Валерьевна Шадрина

Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация
344006 Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Кандидат исторических наук
E-mail: shadrina@ssc-ras.ru

Аннотация. Закрытие церквей и молитвенных домов в 1930-х гг., наряду с репрессиями духовенства, стало завершающим этапом формирования заявленного советским правительством атеистического государства. Впервые публикуемые документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, представляющие собой заявления верующих и представителей церковных исполнительных органов в различные инстанции СССР о незаконном закрытии храмов Донской области, дают представление о несоблюдении законности местными органами власти относительно религиозных организаций, о методах, которые применялись при закрытии церквей, о противостоянии инициативных групп прихожан.

Ключевые слова: Донской регион; закрытие церквей и молитвенных домов в 1920–1930-е гг., Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б), Постоянная комиссия по вопросам культов при ВЦИК СССР, Постоянная комиссия по вопросам культов при Президиуме Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета.